

СВЕТ МЕЖДУ ТРЕЩИН

A romantic couple is shown in a close embrace inside a rustic wooden cabin. The man, with short dark hair, is wearing a light-colored button-down shirt and has his arms around the woman. The woman, with long blonde hair, is wearing a similar light-colored shirt and has her eyes closed, leaning her head against his. They are standing near a window with a wooden frame. On the windowsill, there is a small brown ceramic pot with steam rising from it, suggesting a cup of tea or coffee. The room is filled with warm, golden light from the windows, and there are many small, glowing particles or dust motes floating in the air, creating a magical atmosphere. The walls of the cabin are made of dark wood, and there is a visible crack in the white plaster on the left wall.

АЛЕКСАНДР АБРОСИМОВ

Александр Абросимов

Свет между трещин

<https://litres.ru/74195723>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алина сбежала от разрушенной жизни и ледяного блеска столичного благополучия в старый дачный дом, надеясь найти там лишь забвение. Но в стенах, пропахших сыростью и прошлым, ее уже ждал он человек с глазами цвета штормового моря и руками, привыкшими разрушать старое, чтобы строить новое.

Между ними нет полутонов: только стена из взаимных упреков, застарелая пыль на мебели и невысказанная вражда, искрящая сухим электричеством. Когда весенняя буря лишает их света и тепла, им приходится укрываться одним одеялом. Вынужденная близость рождает опасную игру чувств: шаг вперед — удар током, шаг назад — мучительная пустота.

Появление призрака из ее благополучного прошлого заставляет сделать выбор между безопасным забвением и любовью, которая выжигает дотла, но дает право дышать по-настоящему. Это история о том, что настоящее счастье всегда немного колет пальцы, как свежий хлеб, а свет проникает даже в самые глубокие трещины наших душ, делая нас только прочнее.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Чужие ключи	7
Глава 2. Свинцовое небо	10
Глава 3. Кофе с полынью	14
Глава 4. Первая кровь	20
Глава 5. Демонтаж стен	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Абросимов

Свет между трещин

Пролог

Дождь пахнет железной дорогой и мокрым асфальтом. Он смывает с кожи остатки чужого парфюма, въевшегося под ногти за последние три года, но не может смыть фантомное ощущение липких пальцев на затылке. Алина стоит на перроне маленького полустанка, названия которого нет ни на одной приличной карте. Ветер треплет подол ее бежевого тренча, швыряя в лицо колкую водяную пыль. Она провожает взглядом красные огни последнего вагона, исчезающие за поворотом. Поезд уносит не Илью он увозит ее прошлое, упакованное в идеальный кожаный чемодан.

Решение уехать сюда, в глушь, к разбитому дачному дому прабабки, больше не кажется спасением. Оно кажется прыжком в ледяную прорубь. Внутри все выжжено дотла так качественно, что даже страху не хватает сил разгореться. Только глухая, звенящая пустота, от которой ломит зубы.

Она достает из кармана тяжелый латунный ключ.

Металл ледяной, влажный, покрытый темными пятнами старости. Этот дом никогда не был ей домом. Это было место летних каникул, пропахших клубничным вареньем и комариными укусами. Теперь это единственное убежище, где можно перестать быть «Алиной Викторовной», идеальной невестой идеального юриста, и стать никем. Просто женщиной, у которой кончились слезы.

Тяжелая дубовая дверь подается с протестующим стоном. Темнота прихожей глотает ее целиком, отрезая от ревущего снаружи ливня. Здесь пахнет иначе. Забытостью, сырой штукатуркой, старым деревом и чьим-то терпким табаком, хотя никто не курил здесь лет десять. Воздух густой, его приходится проталкивать в легкие силой.

Алина бросает сумку прямо на пол, усеянный сухой хвоей и мертвыми мухами. Глухая защита, выстраиваемая годами, трещит по швам. Усталость прижимает плечи к земле. Ей хочется сползти по этой стене прямо здесь, в темноте, и уснуть грязной бродяжкой. Но вместо этого она заставляет себя сделать шаг к высокому, мутному зеркалу в тяжелой резной раме.

Из глубины стекла на нее смотрит призрак. Растрепанные темные волосы прилипли к бледным щекам. Плащ висит мешком на острых плечах. Губы искусаны в кровь. Но страшнее всего глаза огромные, потухшие

озера, в которых отражается только свинцовое небо за окном. Оттуда смотрит совершенно чужая, сломанная женщина.

Ну здравствуй, тихо говорит она своему отражению. Голос звучит сипло, незнакомо.

В этот момент тишину старого дома пререзает громкий, требовательный щелчок замка со стороны черного хода. Звук, слишком уверенный для сквозняка. Слишком живой для заброшенного места. Электрический разряд опасности бьет по обнаженным нервам. Кто-то только что вошел в ее крепость. Кто-то, кто знает, что она здесь.

Глава 1. Чужие ключи

Тяжелая дверь поддается с неохотным скрипом, впуская Алину в сырую темноту чужого дома. Воздух здесь густой, настоявшийся на запахе застарелого табака и озона, оседает на языке металлическим привкусом. Она швыряет сумку на пол, усеянный прошлогодней листвой, и беззвучно поводит плечами эта пустота кажется враждебной. В мутном пятне высокого зеркала отражается растрепанная женщина с серым лицом дорожной пыли; ее плечи напряжены в глухой защите от всего мира.

Дом встречает ее молчанием старого дерева. Скрипят половицы под дорогими кожаными ботинками, которые кажутся здесь кощунством. Алина стаскивает с головы мокрый капюшон, встряхивая волосами. Темные пряди тяжелой волной падают на лицо, скрывая искусанные в кровь губы. Пальцы замирают на верхней пуговице мокрого плаща. Холодная латунь обжигает кожу.

Взгляд падает ниже, скользя по влажной ткани блузки, прилипшей к телу после ледяного дождя. Расстегнутый ворот открывает глубокую ложбинку между грудей, бледную кожу, которую она привыкла прятать под строгими офисными жакетами. В этом

диком, заброшенном месте собственное отражение вдруг кажется вызывающе желанным для той, кто поклялся себе никогда больше не чувствовать. Интрига рождается из ниоткуда: а что, если позволить этой незнакомке в зеркале жить? Что, если снять этот чертов плащ прямо сейчас, посреди гниющего коридора, просто чтобы доказать самой себе, что она еще способна гореть?

Она резко дергает пуговицу. Ткань расходится с влажным чавкающим звуком. Мертвый дом, хрипло говорит она своему отражению, пытаясь сбросить навязанное голосом. Идеально подходит.

Алина делает шаг вглубь гостиной, переступая через россыпь сухих листьев, нанесенных ветром сквозь щели в разошедшихся рамах. Пыль танцует в редких лучах умирающего дня. Здесь пахнет запустением и чем-то еще... Чем-то терпким, мужским, звериным. Запах дешевых сигарет и горького одеколona, который никак не мог принадлежать ее интеллигентной прабабке. Он въелся в льняные шторы, пропитал старый плюш дивана. И ушел в спешке.

Инстинкт самосохранения, притупленный предательством Ильи, внезапно просыпается. Кожа покрывается мурашками, но это уже не холод осеннего ливня. Это чистое электричество опасности. Сердце пропускает удар и тут же заходится в паническом ритме.

Она не одна.

Внезапно тишину разрывает оглушительный грохот откуда-то со второго этажа.

Словно тяжеленный дубовый шкаф рухнул на паркет. Или кого-то с силой швырнули о стену. Дом вздрогнул до самого фундамента.

Алина замирает, вцепившись побелевшими пальцами в лацкан расстегнутого плаща. Кровь стучит в висках так громко, что заглушает шум дождя снаружи. Взгляд мечется по комнате в поисках оружия тяжело-го пресс-папье, каминной кочерги, чего угодно. Но находит только старую медвежью шкуру на полу и недопитую чашку с темным осадком на подоконнике.

Грохот повторяется. На этот раз тише, словно звук спускается по лестнице. Шаг. Еще один. Тяжелые, уверенные шаги человека, который знает, куда идет.

Скрипнула ступенька вниз. Затем хлопнула входная дверь черного хода, отсекая путь к отступлению.

Щелчок замка прозвучал как выстрел.

Кто-то вошел в ее крепость. Кто-то огромный, источающий первобытную угрозу, заполнившую собой тесное пространство прихожей.

Глава 2. Свинцовое небо

Скрип ступеней наверху раздается ровно в тот момент, когда она решает, что дом необитаем.

Он спускается не спеша, с тяжелой лентой хищника, который знает, что добыча загнана в угол и никуда не денется из тесной прихожей. Марк спускается вниз воплощение свинцового неба, которое преследовало ее всю дорогу. На нем нет ни плаща, ни куртки, только выцветшая черная футболка, облепившая литые мышцы груди и плеч. Ткань потемнела от влаги на плечах. Его широкие плечи едва помещаются в узком дверном проеме старой дачи, заставляя его наклонить голову, отчего тень падает на резко очерченную линию челюсти.

Взгляд цвета мокрого асфальта скользит по ней без малейшего намека на гостеприимство. Он не удивлен. В его глазах вообще нет эмоций, кроме глухого, раздраженного раздражения человека, которого вырвали из важного дела ради незваной гостьи. Пространство крошечной прихожей мгновенно сужается до расстояния вытянутой руки между ними, наполняясь сухим электричеством опасности. Воздух становится густым, им трудно дышать.

Замок сломан, его голос звучит как скрежет гравия

под колесами низко, с хрипотцой долгого молчания. Я думал, это бродяги.

Алина заставляет себя выпрямиться, запахивая края мокрого тренча. Мокрая ткань предательски липнет к телу, выдавая каждый изгиб, но сейчас ей плевать на уязвимость. Ее бесит то, как гулко пульсирует кровь где-то у самого горла.

Это частная собственность, цедит она, стараясь, чтобы голос не дрожал. Вы кто такой?

Уголок его рта дергается в подобии усмешки, лишенной всякого тепла. Он делает шаг вперед, намеренно вторгаясь в ее личное пространство тяжелым запахом хвои, крепкого табака и чистого мужского пота. Жар его тела бьет волной, сбивая дыхание. Алина инстинктивно подается назад, пока лопатки не упрутся в холодное стекло входной двери. Пути к отступлению больше нет.

Его рост подавляет. Чтобы встретить этот тяжелый, давящий взгляд, ей приходится запрокинуть голову. И в этой вынужденной позе жертвы есть нечто невыносимо интимное. Колени предательски слабеют от внезапного осознания его физической мощи. Этот мужчина может переломить ее пополам одним движением рук, даже не запыхавшись. От этого первобытного страха низ живота туго скручивает горячей спиралью реакция тела настолько постыдная и острая,

что Алину прошибает холодный пот.

Живу я здесь, он опирается рукой о стену прямо над ее головой, заключая ее в плен своего тела. Пальцы в старых мозолях оказываются в опасной близости от ее виска. Уже неделю. Документы в машине. А вот ты, городская, откуда свалилась на мою голову? Наследница нарисовалась?

Его близость лишает воли. Она чувствует каждое движение его грудной клетки, слышит, как размеренно и глубоко он дышит, разнося запах леса по маленькой прихожей. Интрига вспыхивает опасным фейерверком: почему идеальный Илья никогда не пах так... правильно? Так опасно?

Она вжимается затылком в холодное дерево, пытается найти опору. Меня зовут Алина. Это дом моей семьи. Соблюдайте дистанцию.

Марк медленно опускает взгляд. Он смотрит не в глаза. Его темные, почти черные зрачки изучают ее губы, затем соскальзывают ниже на глубокую ложбинку, виднеющуюся в расстегнутом вороте блузки, которую она так и не застегнула минуту назад. Взгляд тяжелеет, превращаясь из равнодушного в откровенно оценивающий. Опасный.

Дистанция отменяется, когда чужие лезут в мой холодильник, произносит он бархатым, вибрирующим шепотом, от которого волосы на ее руках встают ды-

бом. Ты приехала сюда прятаться. Но от меня, птичка, стенками из вагонки не спрячешься.

Глава 3. Кофе с полынью

Утро началось не с пения птиц и не с мягкого света, пробивающегося сквозь пыльцу на стекле. Оно началось с оглушительного грохота кто-то со всей дури швырнул чугунную сковороду на старую эмалированную плиту. Звук получился таким металлическим и злым, что Алина, задремавшая прямо в одежде поверх колючего шерстяного одеяла, подскочила на продавленном матрасе.

Из кухни тянуло едкой гарью. Запах пережженных кофейных зерен смешивался с чем-то горьким, аптечным то ли полынью, то ли застарелой мужской злостью. Алину замутило. Организм, привыкший к идеальному флэт-уайту из фарфоровой чашки ровно в восемь утра, воспринял этот химический террор как личное оскорбление.

Она вышла в кухню, плотно запахивая ворот чужой фланелевой рубашки, которую нашла брошенной на стул. Рубашка все еще хранила жар его тела и терпкий аромат хвои. Марк стоял спиной к ней, огромный, сутулый, занятый варварским ритуалом. Он яростно размешивал закипающее варево в медной турке старым охотничьим ножом. Вода выплескивалась на раскаленную конфорку с громким шипением.

Доброе утро, наследница, бросил он через плечо, даже не обернувшись. В его голосе звучала неприкрытая издевка. Надеюсь, ты пьешь помои. Из приличного кофеина здесь только крысиный яд в сарае.

Алина демонстративно сморщила нос, прислонившись плечом к косяку. Скрестила руки на груди, принимая самую закрытую и высокомерную позу, на какую была способна. Если вы решили отравить меня запахом, считайте, что попытка удалась. У вас тут пожарная тревога, а не завтрак. И прекратите тыкать в кофе железками, это убивает вкус.

Марк наконец повернулся. Его лицо было небритым, глаза после бессонной ночи казались двумя темными провалами. Он выглядел так, словно провел ночь в драке или валялся пьяным в канаве, но двигался при этом с грацией крупного хищника. Поставив турку на стол с такой силой, что по дереву пошла вибрация, он кивком указал на единственный свободный табурет: Садись. Или брезгуешь сидеть там, где сидел простой работяга?

Завтрак превратился в дуэль язвительных замечаний. На столе стояла мятая алюминиевая кружка с черной жижей, краюха черствого хлеба и кусок желтого, почти оранжевого сыра. Марк ел громко, чавкая, намеренно кроша хлеб на липкую клеенку. Каждое его движение было вызовом ее стерильному миру.

Столичный лоск слезает быстро, да? ухмыльнулся он, отирая рот тыльной стороной ладони. Три года назад ты бы вызвала санэпидемстанцию, увидев такую плесень в углу. А сегодня сидишь в моей кухне, одетая в мою рубашку, которая тебе велика на три размера, и пытаешься выглядеть королевой. Забавно.

Кровь бросилась Алине в лицо. Она ненавидела эту свою прозрачность. Ненавидела то, как предательски теплеет между ног от одного только звука его голоса. Под слоем взаимного яда, которым они щедро поливали друг друга, рождался странный, будоражащий азарт охоты. Ей хотелось содрать с него маску циничного ублюдка, увидеть, что прячется в этих мрачных глазах. Понять, почему вчера ночью она прижималась спиной к двери, боясь пошевелиться, пока он ходил внизу, вместо того чтобы бежать прочь без оглядки.

Я просто экономлю ваши нервы, парировала она, берясь за нож, чтобы намазать масло на хлеб. Рука дрогнула. Чтобы вы не сошли с ума от тишины, когда я уеду. Хотя... судя по качеству вашего кофе, разум покинул вас гораздо раньше.

Он подавился куском сыра и расхохотался. Смех был резким, лающим, совершенно не мелодичным, но искренним. Впервые за эти сутки в доме прозвучало что-то живое, кроме шума дождя. Зубастая. Люблю таких. Только смотри не прикуси язычок, птичка. Он

тебе еще пригодится.

Интонация изменилась. Слово «птичка» больше не звучало как насмешка над слабостью. В нем прорезалось что-то низкое, собственническое, отчего кожа на предплечьях покрылась мурашками. Атмосфера в маленькой кухне накалилась до состояния сухого льда. Пространство снова сузилось. Теперь их разделяла только лампа с оранжевым абажуром, отбрасывающая теплые тени на его грубые черты.

Они потянулись к центру стола одновременно. Ему нужен был старый деревянный ящичек с солью. Ей салфетки. Движения были зеркальными, синхронными, продиктованными какой-то невидимой гравитацией.

Их руки встретились над заляпанной клеенкой. Кончики пальцев соприкоснулись.

Это был не удар током из учебника физики. Это был взрыв. Огненный разряд прошел тело Алины от макушки до пяток, концентрируясь тугим, болезненным узлом глубоко внизу живота. Воздух исчез. Время остановилось. Она видела каждую мозоль на его пальцах, каждый тонкий белесый шрам, чувствовала шершавость кожи, которой касалась дорогая бумага в офисе Ильи.

Вместо того чтобы отдернуть ладонь, взвизгнув от неожиданности, Марк медленно, мучительно медленно

но переплел свои грубые пальцы с ее тонкими. Сверху вниз. Большой палец лег на пульсирующую венку на ее запястье. Его хватка была крепкой, властной, не оставляющей шансов вырваться, но абсолютно безболезненной. Теплой. Обжигающей.

Взгляд цвета мокрого асфальта поднялся от их сцепленных рук к ее лицу. Зрачки расширились, поглотив почти всю радужку. Интрига этого момента заключалась в абсолютном молчании. Ни одной колкости. Никакого хамства. Только тяжелое, прерывистое дыхание двоих людей, осознавших, что игра перешла границу дозволенного.

Огненный разряд, посланный его кожей, добрался до цели. Внутри Алины что-то плавилось, текло жидким металлом. Вся ее броня, выстроенная годами унижений с Ильей, вся глухая защита рухнула в один миг. Она сидела, парализованная, позволяя ему держать себя за руку посреди грязной кухни, пахнущей горелым кофе и мужчиной.

Солонку возьми, хрипло сказал он, не разжимая губ. Голос сел окончательно. Левее.

Его большой палец начал совершать медленные, гипнотические круговые движения на ее коже. Это уже не было случайностью. Это было заявление. Вторжение. Чувственность этой секунды была настолько густой, что ее можно было резать ножом для

масла.

Алина сглотнула ком в горле. Сердце билось о ребра так сильно, что, казалось, сотрясает столешницу. Она должна была встать. Должна была плеснуть ему в лицо кипятком из старой турки, развернуться и уйти в холодный коридор. Но тело отказывалось подчиняться разуму. Каждая клеточка вопила о том, чтобы наклониться вперед, через стол, и впиться в его губы, соленые от дешевого сыра и опасные, как лезвие.

Ты... начала она, но голос сорвался на выдохе.

Что я? он чуть сжал ее пальцы, напоминая о своей силе. Уголок его рта пополз вверх в кривой, опасной усмешке. Передумала уезжать, городская? Решила остаться и научить меня варить правильный кофе? Учти, моя кухня принимает только одну хозяйку. И место пока вакантно.

Слова повисли в воздухе тяжелым, пряным дымом. Он отпустить ее руку не собирался. И Алина поняла страшную, сладкую истину: ей отчаянно хочется, чтобы он никогда ее не отпускал.

Глава 4. Первая кровь

Перемирие, заключенное над солонкой, оказалось хрупким, как первый осенний лед. Оно держалось на опасной близости и электрическом напряжении, которое потрескивало в воздухе каждый раз, когда их колени соприкасались под шатким столом. Но утро продолжалось, а вместе с ним возвращалась реальность тесная, неустроенная, пахнущая сыростью.

Марк поднялся, чтобы убрать со стола. Его движения снова стали резкими, угловатыми, лишенными той утренней ленивой грации. Он сгребал грязные тарелки так, словно они были виноваты в его испорченном настроении. Алина молча пила обжигающий, горький кофе из щербатой кружки, наблюдая за ним поверх края. В этом молчании было больше вызова, чем в любых словах.

Можешь помыть, раз уж встала, буркнул он, кивком указывая на раковину, полную жирной посуды. Не переломишься. Ручки не запачкаешь о пролетарскую грязь?

Язвительность вернулась, приправленная глухим раздражением. Алину трясло от этого тона. Она приехала сюда зализывать раны, а не прислуживать озлобленному лесорубу, который вломился в ее жизнь без

спроса.

Я вам не домработница, отрезала она, ставя кружку на стол громче, чем требовалось. Фарфор звякнул о дерево слишком резко.

Он проигнорировал выпад. Прошел к старому буфету, доставая оттуда жестянку с дешевым чаем. Широкий локоть взметнулся назад неловко, по бытовому, но для этой маленькой кухни это движение стало катастрофой.

Локоть задел полку.

Тонкий, хрустальный звон разбивающегося прошлого прозвучал в наступившей тишине как выстрел. Фарфоровая чашка с паутиной трещин та самая, из которой, должно быть, еще прабабушка Алины пила чай с мятой сорвалась вниз. Время растянулось. Алина видела, как белый бок медленно переворачивается в воздухе, как летят во все стороны мелкие осколки «золотого зуба» на ободке. Чашка ударилась о половицы и рассыпалась с сухим, жалким треском.

Звук оборвал последнюю нить терпения Марка.

Он развернулся стремительно, отбрасывая банку с чаем, которая покатилась по столу, оставляя коричневые брызги. Глаза потемнели до цвета штормового моря перед бурей. Какого черта ты здесь творишь?! рывкнул он так, что задрожали стекла в разошедшихся рамах. Это чужой дом! Ты хоть понимаешь, куда при-

перлась? Бесцеремонная дрянь!

Слова жалили глубже любого стекла. Они били точно в цель в ее страх, в ее усталость, в чувство собственной неприкаянности. Марк обвинял ее не в разбитой чашке. Он обвинял ее в том, что она дышит одним воздухом с ним. Что смеет существовать в его пространстве, напоминая о мире, из которого он сбежал.

Гнев застлал глаза Алины алой пеленой. Вся боль последних недель, вся горечь предательства Ильи, весь липкий ужас одиночества сконцентрировались в одной точке. Она вскочила, опрокидывая свой стул. Ноги разъезжались на осколках фарфора, впиваясь в тонкие подошвы домашних туфель острыми иглами боли. Да пошел ты! выкрикнула она, давясь слезами ярости. Кто ты вообще такой?! Бродяга, вор, забравшийся в пустой дом! Думаешь, если у тебя руки в мозолях, тебе позволено рычать на людей?!

Она замахнулась, сама не зная зачем то ли ударить, то ли просто выплеснуть кипяток эмоций ему в лицо. Но удара не последовало. Силы внезапно оставили ее. Гнев схлопнулся, уступая место абсолютному, детскому бессилию. Нижняя губа дрогнула. Горячие, злые слезы обожгли щеки, размазывая тушь, которой уже почти не было. Она ненавидела себя за эту слабость, но остановить водопад не могла.

В кухне повисла оглушительная тишина. Звенело только в ушах. Марк замер посреди разгрома. Осколки чашки хрустнули под его тяжелым ботинком, когда он шагнул вперед, но этот звук показался пушечным выстрелом.

Его гнев исчез так же внезапно, как и вспыхнул. Лицо исказилось странной гримасой не злость, не досада, а нечто похожее на испуг или внезапное, режущее сочувствие. Интрига момента была в этой перемене: матерый хищник вдруг увидел раненое животное и растерялся. Темный взгляд смягчился, фокусируясь на ее дрожащем подбородке.

Алина попыталась отступить, спрятать свое унижение, вытереть мокрое лицо рукавом, но не успела сделать и полушага.

Вместо утешения он грубо, почти грубо схватил ее за плечи. Мир перевернулся. Тесная кухня исчезла. Осталось только горячее мужское тело, впечатавшее ее в стену между мойкой и старым холодильником. Воздух выбило из легких. Деревяшка больно впилась в поясницу, но эта боль лишь обострила остальные чувства.

Марк лишил ее возможности отстраниться, перекрыв пути к отступлению своим корпусом. Он был огромен, горяч, и от него исходила такая мощная волна первобытной силы, что сопротивляться ей было

физически невозможно. Его горячее дыхание опалило висок, обжигая влажную кожу. Он нависал сверху, загоняя ее в угол, превращая кухонную ссору в сцену откровенного захвата.

Тише, птичка, голос теперь звучал низко, вибрирующе, оседая мурашками на ее шее. Хватит плакать. Убери руки.

Он перехватил ее запястья, когда она пыталась закрыть лицо, и завел их вверх, прижимая ладонь к холодной побелке стены над ее головой. Одной рукой. Вторая его ладонь легла на ее затылок. Жестко. Почти собственнически. Пальцы погрузились в густые волосы, сжали их у корней, фиксируя голову. Кольцо его рук стало клеткой, из которой нельзя было вырваться, даже если бы загорелся пол.

Алина замерла, часто дыша открытым ртом. Сердце колотилось где-то в горле. Это было насилием личного пространства. Вторжением. Любой другой мужчина получил бы пощечину. Но сейчас она чувствовала только, как плавится воля. Его широкая ладонь удерживала ее затылок с силой человека, который боится, что добыча сбежит, хотя бежать ей было некуда.

Их взгляды встретились. На расстоянии вдоха. В глубине его темных глаз больше не было яда. Там плескалась тяжелая, мутная вода понимания. Он видел ее сломанной. И вместо того, чтобы добить, он...

изолировал ее. Запер в своих руках, отсекая от всего мира, заставляя дышать только им одним.

Вот так, прошептал он, наклоняясь ниже. Его губы оказались в сантиметре от ее рта, но поцелуя не последовало. Только жар дыхания, смешанный с запахом черного кофе и табака. Весь твой лоск остался в городе. Здесь осталась только ты. Настоящая. Которая плачет из-за старой чашки.

Его большой палец на ее затылке начал совершать медленные, успокаивающие круги, массируя напряженные мышцы шеи. Контраст между жесткой хваткой, припечатавшей ее к стене, и нежностью этого поглаживания сводил с ума.

Война закончилась первой кровью. Но победителем из нее вышла вовсе не гордость.

Глава 5. Демонтаж стен

Утро началось с запаха олифы, мокрой извести и озона, который так и не выветрился после вчерашней грозы. Тишина между ними за завтраком была тяжелой, вязкой, как застывающий клей. Она давила на барабанные перепонки сильнее, чем их утренняя ссора из-за чашки. Марк первым нарушил это хрупкое перемирие, швырнув на стол рулон плотной полиэтиленовой пленки. Хватит жечь электричество и дырявить меня взглядом, буркнул он, натягивая старые холщовые штаны. От твоего морализаторства бревна гнить начинают. Пошли работать. Там под обоями в спальне такая дрянь пошла, что дом скоро сложится внутрь себя.

Алина молча кивнула. Спорить не было сил. Работа казалась лучшим способом снова выстроить стену между ними, вернуть ту дистанцию вытянутой руки, которая еще вчера казалась спасением.

Они начали снимать обои в главной спальне. Под пожелтевшими слоями газет «Правда» и выцветших советских розочек скрывался настоящий скелет дома. Шпатель со скрежетом входил в разошедшийся клей. Сначала летела только сухая бумага и пыль, забиваясь в нос и оседая серым слоем на волосах. Но

когда они добрались до нижнего яруса стены у самого пола, запах изменился. Вместо типографской краски повеяло сыростью могилы, грибком и медленным тлением.

Черная гниль старых бревен проступала темными, влажными пятнами. Как легкие курильщика, хмыкнул Марк, ковыряя почерневшее дерево стамеской. Шестидесятилетний стаж. Дышать ей осталось пару сезонов.

Его слова ударили Алину под дых. Черная гниль дерева была пугающе точной копией плесени сомнений, разъедающей душу Марка изнутри. Он скалывал эту черноту с такой яростью, словно хотел выдрать собственную боль вместе с трухлявыми волокнами. Пот струился по его лицу, смывая пыль, оставляя светлые дорожки на грязных щеках. Его широкие плечи блестели от влаги, мышцы спины ходили ходуном под тонкой тканью футболки при каждом взмахе инструмента.

Пыль покрывала их лица одинаковой серой маской, стирая социальные различия. Здесь, среди облупившейся штукатурки, наследница строительной империи и деревенский плотник были равны перед лицом разрухи. Уязвимость обнажалась вместе со старой кладкой. Они работали в одном тяжелом ритме: замах стамеской вдох, удар выдох. Это был честный

труд, первобытный и понятный без слов.

К обеду жара внутри старого сруба стала невыносимой. Алина сбросила фланелевую рубашку, оставшись в одной майке-алкоголичке. Кожа покрылась испариной, волосы прилипли ко лбу. Она стояла на шаткой деревянной стремянке, пытаясь поддеть край намертво присохшего шпона под самым потолком. Балансировать было трудно старая лестница предательски скрипела и качалась на неровном полу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.